

ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД К ПОНЯТИЮ НАЦИОНАЛЬНОГО В ЖЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ Проза современных российских писательниц

ELENA I. TROFIMOVA
LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Abstract – After drastic changes in the all fields of Russian life after 1991 there emerged attempts in Russian literature of the following decades to conceive the existing cultural situation and find new ideas and symbols. The prominent feature of this process was a radical change of women gender perception, greatly influenced by rapid modification of everyday life as well as a flood of information from the West. The women’s writings of the period demonstrate various genres, esthetical and ideological trends. It is interesting that the attempts of self-identification in new circumstances are connected with aspiration of some writers (T. Nabatnikova, L. Ulitskaya, E. Isayeva, S. Vasilenko, A. Marinina) to formulate basic concepts of what is called a new national idea. Their texts demonstrate attempts to destroy outdated myths and build up new ones, based on modern conceptions. Thus gender reconsideration in contemporary Russian literature gets wider socio-cultural and political measurement.

Keywords: Russian women-writers; national; gender; mythologeme; literary discourse; complex of ideas; verbatim.

Важным этапом в выработке национальных мифологем является осмысление и учет женского опыта, что закладывает основу нового гендерного баланса общества в соответствии с изменившимися цивилизационными реалиями. Этот процесс весьма важен для современной России, принимая во внимание её традицию формулировать философские, политические и социальные взгляды посредством художественного слова. Для русского сознания художественный образ всегда представляется более убедительным, нежели философская доктрина. Потому так значимо то, что мы наблюдаем в современной русской литературе. Проблематика национального отражается и осмысливается ею на разных уровнях сознания: от универсальных мифологических обобщений и индивидуальных переживаний до каждодневных бытовых проявлений. Национальный характер во многом формирует культурный профиль человека. Ещё в 1964 году Солженицын писал: «Национальность

накладывает на человека отпечаток <...>, вносит особенности, из которых человек вырваться не может...» (Солженицын 2018, С. 16).

Рассматривая проблему конструирования мифологем, следует обратить внимание, что мифы могут конструироваться и существовать только в языковом пространстве, в лингвистическом поле. Реальность интерпретируется понятием, понятие означает словом. Слово как дважды переиначенная реальность лежит в основе мифа, точнее, в совокупности смыслов, встроенных в общую систему. Миф осуществляет различные задачи: он одновременно обозначает и оповещает, внушает и предписывает, носит побудительный характер, навязывая реципиенту своё собственное устремление. «Миф носит императивный, побудительный характер: отталкиваясь от конкретного понятия, возникая в совершенно определённых обстоятельствах, <...> он обращается непосредственно ко мне, стремится добраться до меня, я испытываю на себе силу его интенции» (Барт, <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=78186>).

Перерабатывая материал прошлого и настоящего, миф своими латентными смыслами всегда обращён к будущему, предоставляя читающему некие поведенческие и оценочные образцы, которые можно использовать в жизненной практике. Следует заметить, что миф всегда воплощается в той или иной литературной форме, поэтому всякий художественный текст в определённой степени мифологичен, поскольку вне зависимости от желания автора обладает императивностью, способствующей конструированию будущего. И «самое ценное в восприятии литературы: игра воображения, разбуженного словом», это «заставляет читателя соучаствовать, думать <...>» (Ставинский 1964, С. 486).

Особенно очевидно мифологемы будущего проявляются в периоды исторических разломов, когда старые общественные системы деградируют, рушатся, и требуется осмысление перспектив. Для России таким временем стал период 1990-х годов и последующих десятилетий. Кроме политико-экономических задач, нуждавшихся в обдумывании и решении, на первый план вышла национальная проблематика. Показательно, что она нашла своё отражение в бурно развивавшейся тогда женской прозе, которая оказалась весьма чувствительной к данным вопросам.

Между национальной идеей и совокупностью гендерных представлений существует диалектическая связь, взаимовлияние. Выработка гендерных конструктов неотделима от процессов национальной самоидентификации по той причине, что первые являются неотъемлемой частью последней, ибо формулировка понятий «женственное», «мужественное» неизбежно включает многочисленные

понятийные ряды и архетипы, формирующие базовые концепты нации. И наоборот, трансформация этих понятий самым непосредственным образом воздействует на форму и смысл национальной идеи, на визуальные образы её репрезентации. К тому же «гендерная метафора подразумевает перенос не только физических, но и духовных качеств и свойств, объединённых номинациями женственности и мужественности на объекты, с полом не связанные» (Кирилина 2002, С. 23). Немаловажен также баланс собственного и заимствованного. Органично приживается только то, что вписывается в логику внутреннего развития нации. Прямой, некритичный импорт идей, или, что ещё хуже, насильственный способ их внедрения в общественное сознание, может привести к обратным результатам.

Гендерный конструкт совсем необязательно должен быть коррелятом реальности. Он вполне может выступать в качестве интеллектуального проекта, потенциально способного воплотиться в будущем. Источниками такого проекта становится не действительность как таковая, а заключённая в ней возможность осуществления. Таким образом, подобный конструкт может рефлексироваться – если прибегнуть к схоластической терминологии – номинально, а не феноменально; данный подход характерен для ситуаций культурно-цивилизационной деструкции, смены парадигм развития нации, т.е. когда разрушаются одни ценностные константы, и требуются интенсивные духовные усилия для созидания новых. Иными словами, в некоторые моменты особенно важна не практическая работа, а интеллектуально-культурная деятельность, литературное и художественное творчество.

Всякое интеллектуальное явление материализуется в двух основных вариантах: в совокупности философских, публицистических и информационных текстов, принимающих разнообразные медийные формы (сборник, брошюра, газета, радио, телевидение, Интернет) или в виде литературно-художественных произведений, опосредованно представляющих чувственную и символическую интерпретацию идей.

К примеру, в повести Татьяны Набатниковой «Шофёр Астап», где в экстремальных формах проявляются полоролевые установки персонажей, ситуация отражает также всю глубину и драматизм столкновения различных национальных проектов. Формально ключевым моментом повествования является сцена принуждения героини шофёром Астапом к интимной близости (Женя приехала на спортивные сборы в одну из кавказских республик). И, скорее всего, мы видим классическую парадигму патриархатных отношений мужского и женского: первое – агрессивно, эгоистично, воспринимает женщину как объект вождения и унижения, второе – подчинённо, пассивно,

иерархически снижено во всех смыслах. В главном эпизоде писательница весьма ярко описывает кошмарное ощущение бессилия и страха, которое испытывает молодая женщина в этой ситуации («Ужас скользнул по лицу Жени, а в глазах Астапа отразилось пьянящее чувство всеилия...»); она «поглядела на него <...> с ужасом, уже не борясь, лишь прося пощады»). Однако действительная коллизия намного сложнее, нежели описанная фабула. В повести столкновение национального играет не меньшую, а, может быть, и более важную роль, чем чисто сексуальный конфликт. Шофёр и героиня-спортсменка – носители различных национальных менталитетов, где поведенческие и иерархические репрезентации мужественного и женственного имеют значительные отличия. Героиня, принадлежащая к более либеральной и проевропейской поведенческой модели, позволяет себе, как ей кажется, ни к чему не обязывающую игру с человеком иной (здесь – кавказской) культуры. Она подшучивает над ним, чуть флиртует, ведёт себя немного высокомерно, милостиво предоставляет «себя его взгляду, как царица», «чувствуя, что дразнит его зависть». И не понимает, что те поведенческие кальки, которые в её культурно-национальной среде воспринимаются более спокойно, как условная игра, в других ситуациях работают иначе. Такое непонимание и служит отправной точкой дальнейшего развития событий. Кстати и Астап несколько не напоминает традиционный образ «сексуально озабоченного» восточного человека с горящими чёрными глазами и потными от постоянного вожделения ладонями. В момент принуждения Жени к соитию он ведёт себя как-то неуверенно, с внутренним сопротивлением, не столько удовлетворяя свои желания, сколько исполняя некую предписанную роль («<...> вздохнул тяжело <...>, и отметая остатки человеческого, <...> сказал печально, как человек, обречённый так поступить: – „Ну что ж ... А теперь – я начну”»). Это подтверждается и последующим его поведением. Привезя героиню в аэропорт, ведёт себя угодливо, суетится, озирается. Он «упорно стоял рядом, всё пытался отнять у неё сумки, передвигал чемодан вслед движению очереди, вздыхал и оглядывал зал – не для своего интереса, а за Женю: как бы отдавая её долг аэропорту...» (все цитаты – Набатникова 2001, С. 9-40). Таким образом, автор через драматизм частного случая затрагивает проблему столкновения различных национальных культур («там земля Астапа»), по-разному определяющих роль и место женщины. Одновременно в этом противостоянии присутствует и попытка идентификации «своего» и «чужого», позиционирование «своего» по отношению к иному, и инвентаризация хорошего и плохого, что характеризует и репрезентирует всякую нацию. Как героиня не понимает провокативности своего поведения, воспринимаемого

Астапом, как унижение, так и он сам слепо следует мачистской традиции мести женщине через физическое насилие над ней.

Иначе смотрит на проблему гендера и национального писательница Людмила Улицкая. В своих романах («Медея и её дети», «Казус Кукоцкого», др.), в повестях, рассказах она отдаёт явное предпочтение частному перед общим, индивидуальному – перед социальным. Её национальный проект несёт отпечаток двойственности, впрочем, непротиворечивой. Он одновременно и сужается до рамок отдельной семьи, личной судьбы, и расширяется в глобальной перспективе. Элементом, соединяющим локальное и глобальное, частное и общее, индивидуума и человечество, служит *успешность*. Именно успех: материальный, творческий, также подтверждённый финансово, вкупе с душевным комфортом являют собой критерий счастливой жизни и цель существования семьи. В этой прагматической концепции такие факторы как нация, пол, политические пристрастия, место жительства, традиции, привычки отодвигаются на второй план и представляются малозначительными. Главное – достижение «счастья» родственно связанными людьми через получение обеспеченной (или как нередко говорят – достойной) жизни и продолжение рода.¹ Роль женщины видится Улицкой, с одной стороны, как бы традиционно, даже с некоторыми элементами матриархата («мать семейства»), а с другой – довольно прагматично, то есть можно исповедовать и иные принципы, лишь бы они содействовали успешности или, точнее, личному удобству. Основными принципами отношений, которые косвенно одобряются нарратором, являются оппортунизм и комфортность. Например, дети как знак самореализации в жизни и своеобразный гарант устойчивости и защищённости в будущем, принадлежат матери, отцовские же чувства в расчёт не берутся и во внимание не принимаются. А более точно, отцовское участие редуцируется до функции воспроизводства, мужское – до предоставления сексуального удовольствия партнёрше, чьи эротические потребности должны удовлетворяться неразборчиво и быстро, так сказать по «мужскому типу» (это, видимо, писательница и считает феминизмом); а под мужественностью подразумевается умение добыть, как можно больше денежных знаков. Повсюду доминируют требования пользы, удобства и поэтому никакой рефлексии о возникающих ситуациях, «любовных треугольниках», разбитых жизнях и пр. не существует. Примером сказанного могут служить в семейной хронике

¹ См., например, Улицкая Л. *Медея и её дети* // Цю-юрих (С. 235); *Пиковая Дама* // Цю-юрих (С. 284, 287, 294); *Бронька* // Бедные родственники (С. 24, 26-28, 31, 33); др. произведения.

«Медея и её дети» отношения Ники и её племянницы Маши; самоубийство последней из-за того, что делит любимого мужчину со своей тёткой, к которой весьма привязана и доверяет ей. Причём образ Ники автор коннотирует вполне позитивно. И вот *happy end*: в эпилоге романа с одобрением описывается «богатый» дом Ники в Италии, где она любит принимать «бедных» родственников из России, её нынешний муж – богатый итальянец, её успешные дети от трёх-четырёх браков или связей и т.д., и т.п. В общем, читателю представлен образец очевидной жизненной победы, бьющей в глаза успешности и безудержной, по словам А. Пушкина, «страсти к довольству» (1978, С. 298).

Та же нота звучит и в рассказе «Пиковая дама». После тридцатилетнего отсутствия некто Марек – эмигрант из России (а до этого – из Польши), ныне же владелец богатой клиники в ЮАР, приехал в Москву, чтобы посмотреть на давно оставленных жену, дочь, никогда не виденных внуков. Войдя в квартиру, он ошеломил малоимущих близких (его бывшая жена – профессор медицины в академической клинике) своей одеждой, особенно же шерстяным шарфом «глубокого кровавого цвета и того высочайшего качества, которое материальные ценности почти превращает в духовные». К тому же богатый гость был «невероятно щедр на всякие угощения», и видимо, за это мгновенно стал любимым папой и дедом (Улицкая 2002, С. 287).

Философия здесь примерно такова: человеческое счастье начинается с малого, с семьи. Будет ловка, хватиста, а значит, успешна семья и её члены, в первую очередь, женщины с детьми, то это неизбежно отзовется национальными успехами. Человечество по Улицкой – это совокупность больших кланов, каждый из которых есть копия всего мира, и причастность к ним обеспечивает гармонию бытия человека во времени и пространстве. «Это удивительное чувство – принадлежать к такой большой семье, что всех её членов даже не знаешь в лицо, и они теряются в перспективе бывшего, не бывшего и будущего» (Улицкая 2002, С. 236). Такое понимание счастья, вероятно, создаст основу для гармонизации человечества в целом. Поэтому узловые моменты созидания клана, его пополнения очень важны для Улицкой. Не случайно большое значение писательница придает сюжетам продолжения рода, когда женщина через телесные родовые страдания, физиологически проявляет свою уникальную и неповторимую сущность (Улицкая 2004, С. 458).

Попытку сконструировать миф, где в символической, синтетической форме артикулировался бы ответ на кризис нации, можно усмотреть в романе Светланы Василенко «Дурочка» (Василенко 2000, С. 7-126), действие коего происходит в мифологизированном, но узнаваемом пространстве советской реальности 1930-70-х годов.

Женщина здесь представлена в нескольких символических ипостасях: кормилица, устроительница бытия, хранительница народной души, спасительница мира. Бабка Харыта спасает сирот от голода и смерти, она же окрестив, сохраняет их души для жизни вечной. Странная, как бы немая девочка Ганна во имя человечности жертвует даже жизнью друга, но спасает ненавидящую её Председательницу Тракторину. Сама же «дурочка» Надька совершает мистический подвиг, рожая солнце и избавляя человечество от ядерной катастрофы. Переосмысливая понятие женственности в современных условиях, писательница обращается и к архаичным традициям славянского язычества, и к православному христианству, неразрывно связывая образ женщины не только с тайнами стихий, древом жизни, хтоническими существами, но и с охранительной ролью Богородицы. Василенко считает, что возвращение к «настоящей» женственности произойдёт, если состоится возврат к образам и типу поведения даже не религиозного, христианского наполнения, а до-христианского, именно который она и почитает истинно народным, а следовательно, верным. Поэтому вполне оправданно трактовать данный текст писательницы, как своеобразную попытку ретроспективной деконструкции женственного через созидание мифа, где бездуховная реальность переосмысливается как сакральный, символический сюжет.

Использование слова «женственное» более точно, чем «женское». «Мужское», «женское» суть биологические, данные от природы половые различия, а понятия «мужественное», «женственное» сконструированы обществом и имеют культурно-символические различия, которые и меняются в соответствии с трансформацией, как общества, так и культуры в целом. Эти конструкты могут и должны рассматриваться лишь с учётом и использованием термина гендер, под которым подразумевается культурно-символическое определение пола. В таком случае появляется возможность выйти за пределы биологического описания, и подчеркнуть не природную, а социокультурную причину межполовых различий. Надо также помнить, что наряду с первым, структурно необходимым шагом – деструкцией (разрушение) иерархических отношений, должен быть сделан и второй – их реконструкция (воссоздание). Смысл новообразованного слова «деконструкция» заключён в восстановлении структуры понятий в новом их обобщении.

Василенко сквозь призму своего мировидения отрицает, как ей кажется, слишком мужеподобные женские типажи той, революционной, эпохи, которая, считает она, изуродовала и закабалила женщину (в романе это Тракторина Петровна, чьё имя говорит само за себя). Опираясь на архаику, автор выписывает новый (на самом деле, «хорошо

забытый старый») конструкт женственности, а именно: роженица, то есть создательница нового человека и его кормилица. По Василенко, женщина укрепляет и сохраняет быт, домашний очаг, развивает душевные и духовные качества, как у членов семьи, так и у всего общества.

Елена Исаева – выпускница факультета журналистики МГУ. Одной из ведущих тем Исаевой является проблематика «женского опыта», то есть описание, анализ и интерпретация событий, их переживания и рефлексия женского бытия в современном социуме. Особенно актуален такой анализ на фоне слома культурных эпох, драматически влияющих на экзистенцию героинь её произведений. Наиболее ярко эти особенности проявились в автобиографической повести и пьесе «Про мою маму и про меня», за которую писательница получила российскую премию «Действующие лица» (2003 г.), «Приз Европы» фестиваля радиовещательного союза в Берлине (2004 г.). Сюжет произведения строится на рассказе героини, находящейся в переходном возрасте от девочки к девушке. По сути, перед нами совокупность новелл, женских историй, последовательность которых задаётся руководительницей школьного литературного кружка, который посещает эта ученица. Каждая заданная тема у героини повествования Лены превращается в небольшой рассказ. И это, как правило, эпизод, связанный с каким-нибудь событием жизни одного из женских персонажей, присутствующих в тексте. Девичьи влюблённости и увлечения, проявления любви и заботы у матери и отца, рассказ соседки о платонической симпатии фронтовой санитарки и знаменитого командующего фронтом, печальный «телефонный роман» мамы с умирающим бывшим школьным товарищем, к которому она в юности испытывала сильные чувства. Тексту присущ реализм, психологическая достоверность персонажей и событий, и одновременно импрессионистичность, «случайность» сюжетов, лёгкость нарратива, но и его смысловая глубина. Сюда следует добавить умение Исаевой передавать индивидуальное переживание «эпохи перемен», сопоставление психотипов матери и дочери, рефлексии прошлого на фоне ситуации настоящего.

Женскую тему Исаева разрабатывает не только на современном материале. По-новому она пытается прочитать и исторические сюжеты. В 1998 году в Центре драматургии и режиссуры была поставлена её трагедия «Юдифь», написанная рифмованным пятистопным ямбом. Однако необычна не только редкая для нашего времени литературная форма, но и то, что автор меняет смысловые акценты библейской истории. Если традиционно Юдифь обезглавливает Олоферна как врага-иноверца, то в этой пьесе предлагается совсем иная трактовка. Исаева

даёт героям немислимую для древних иудеев вещь – свободу выбора. «И, казалось бы, это выбор не в пользу веры, а в пользу любви. Но дело в том, что воин-язычник открывает вдруг Единого Бога единственно возможным для себя путём – через любовь женщины, одухотворенной своей верой» (Забалуев, Зензинов 2004, С. 9). Гибель Олоферна трактуется писательницей, как его добровольное жертвоприношение во имя их любви, которая найдёт своё духовное воплощение уже в неземном мире.

Стилистически свою прозу и стихи Исаева строит по традиционным, можно сказать, реалистическим канонам. Тем не менее, она первая в современной русской драматургии использовала приём «Verbatim» (пер. с латыни – *дословное, изречённое*), когда, написанный в жанре документальной пьесы сценарий полностью состоит из реальных монологов или диалогов обычных людей (интервью, записи на магнитофоне и др.), перепроносимых актёрами. Сугубая достоверность, своеобразный гиперреализм и документальность придают спектаклю особую искренность, правдивость и остроту. Некоторые критики считают, что именно в технике «вербатим» проходит линия нынешнего процесса обновления театра в России. Таким вербатимом у Исаевой стала пьеса «Первый мужчина», впервые поставленная московским Театром.doc.

Сюжет пьесы внешне незамысловат: три юные девушки рассказывают истории о взаимоотношениях с мужчинами и о сложных комплексах чувств, переживаниях, порождаемых этими связями. Драматизм ситуации усугубляется фактом, что первые мужчины героинь – их собственные отцы. Осознание противоестественности и греховности подобных отношений приводит к трагическим последствиям: любовь отца и дочери, перешагнув запретную черту, превращается в ненависть и отчуждение. Такие «устные исповеди – это „вещдоки” наших бездн» (Бек 2004, С. 6), бездн души. Сама же писательница считает, что подобная тема пришла к ней внезапно: «Как тихий домашний человек <...> я выбрала стезю, как мне казалось, самую что ни на есть «безопасную» – мама и дочка – взаимоотношения в семье, переходный возраст, самоутверждение и так далее». Но в беседе со студентами Института кинематографии, к которым она обратилась в поисках материала, тема неожиданно изменилась, и возникла мысль «заменить „маму” на „папу”, поскольку с папами взаимоотношения в семье исследованы меньше. <...> Тут и про мужской шовинизм поговорить было бы можно, и про мужской идеал», – посчитала писательница и, начав записывать интервью, сразу же наткнулась на шокирующую историю инцеста, которую невозможно было обойти. Ценность «Verbatim», видимо, и в том, что писатель

выходит в области, весьма далёкие от его личного жизненного опыта. Исаева стала целенаправленно проводить опрос студенток об отношениях с отцами. «И каково было моё удивление, когда каждая вторая» начала говорить о недетской влюблённости в отца. Позже Исаева поняла, что именно «эта „глубинная запрятанность” и тяготящая многолетняя <...> рана требовали вербального воплощения, „проговоренности”, <...> и разговор приносил облегчение» (Исаева 2004, С. 20-21).

Хотя Исаева впрямую не обращается к теме национальной мифологии, гендерная заострённость её текстов способствует развитию понимания дихотомии «мужское-женское». Ревизия сложившихся стереотипов в этой области даёт возможность большего многообразия в конструировании национальных идеологем, умножая пути их интеллектуального осмысления.

Если в вышеприведённых текстах усматриваются косвенные попытки сформировать мифологему «гендер и нация», то в творчестве Александры Марининой мы обнаруживаем то, что можно назвать мифом о новом человеке.

Маринина – заметная фигура современной литературы, что заставляет взглянуть на её творчество с широкой культурологической точки зрения. Несмотря на то, что она работает в достаточно популистском и маргинальном жанре – детективе – многие аспекты существования и функционирования её текстов свидетельствуют о значительных сдвигах, происходящих в социокультурном восприятии литературы российским общественным сознанием.

Несомненным достоинством романов Марининой представляется то, что поведением, поступками своих персонажей она старается найти ответ на вопрос, весьма актуальный для выработки новой национальной идеологии. Каковы должны быть мотивации человека в жизни, которая наполнена примерами и обстоятельствами откровенно аморального свойства? Очень важно, что читатель находит во многих случаях положительный, нравственный ответ.

Главная героиня её милицейских историй – аналитик отдела по раскрытию особо опасных преступлений Анастасия Каменская². Это не уникальная и сверходарённая личность, наоборот, обычная, современная молодая женщина со всем характерным набором забот, сомнений, страхов и разочарований. Но в ней есть прочный нравственный стержень, способность отличать добро от зла, ей присущи настойчивость и стремление всегда доводить дело до конца. Эти

² Маринина А. См. серию детективных романов о Каменской (выпускаются с 1995 г. по наст. время разными изд-вами России).

качества придают образу Каменской значение ценностного ориентира, морального образца. *Modus vivendi* Каменской (нарушение «приличий», вызов профессиональному мачизму, игнорирование предписываемых женщине бытовых и общественных поведенческих паттернов) есть своеобразный вызов тому контролю над женщиной, который насаждается маскулинистски ориентированным социумом. При этом нельзя сказать, что, отвергая традиционно женский поведенческий штамп, героиня копирует противоположный – мужской. Александра Маринина (сознательно или нет) в образе Каменской пытается синтезировать некую новую стратегию репрезентации женственного. Эта новая модель должна выходить из сферы тоталитарного маскулинистского контроля и осуществлять своё право на самостоятельность, уникальность, независимость и самооценность.

Однако наряду с перечисленными качествами Каменская обладает чертами мифологического культурного героя. Среди них следует назвать, прежде всего, цивилизаторскую функцию, то есть внедрение новых мыслительных и поведенческих образцов в массовое сознание, что способствует приспособлению социума к новым реалиям. В данном случае речь идет не только о трансформации гендерных представлений, но и о переосмыслении бытия человека в системе рыночных отношений. Несмотря на драматический излом русской истории конца XX века, погрузившего нашу нацию в состояние не только материального, но и ментального хаоса, такие культурные герои, как Каменская стремятся к созиданию нового порядка, нового целеполагания, повышения витальности членов социума. Как отмечает культуролог А.И. Кравченко:

Культурная роль реальных героев – вдохновлять простых людей на совершение нравственных поступков, заражать их творческой энергией и созиданием. Они показывают, что идеальное совершенство не есть некая недостижимая цель, но представляет собой нечто такое, чего может достичь обычный человек, затративший на достижение цели огромные усилия. (Кравченко 2000)

Самоидентификация нации неизбежно базируется на пространственно-временных категориях и связанных с ними мифологемах. Здесь вполне уместно использовать представление И. Канта, высказанное, прежде всего, в «Критике чистого разума», об априорных понятиях как универсальном базисе для всякого типа восприятия мира и определения себя в нём. Нация должна описать свою пространственную и временную протяжённость, отождествить себя с определёнными географическими границами и с хронологической непрерывностью своего бытия. Если континуум нарушен, то целостность самовосприятия не будет

достигнута, и возникшее ощущение неполноценности с неизбежностью спровоцирует новые поиски национальной идеи.

Тексты, появляющиеся в современном литературном пространстве России, в том числе и рассмотренные здесь, достаточно ясно свидетельствуют об этих энергичных поисках, а также о символических и семиотических перспективах для продвижения национального проекта. Не менее важным представляется и то, что содержащаяся в них гендерная риторика с неизбежностью представляет ту или иную идеологию, прикрытую одеянием художественного текста.

Bionote: Elena Trofimova is a literature critic, lecturer of Moscow State University (Departments of Culturology, 1996-2005; and Philology, 1998 - present). Winner of the Mary Zirin Prize for independent researcher in Gender Studies (USA, 1999). Member of the Russian Association of Researchers of Women's History and Culture (from 2008). Member of the Union of Moscow Writers (from 1996) and of the Jury of the literary prize "National bestseller" (2003, 2005-2006). Editor-in-Chief of the "Transfiguration" Feminist's Almanac (1991-2002). Participated in 72 national and international conferences and seminars on various aspects of Russian literature and Gender Studies. Author of more than 100 publications in books, journals, CD, Internet (1991-2019), including *Gender, Generation and Identities* (UK, 2012), *Gender and Russian Literature* (UK, 1996), *Feminism in Public Life and Literature* (Moscow, 2006), *Dictionary of Russian Writers of the XX* (Moscow, 2000), *Dictionary of Russian Women Writers* (ed. Ledkovsky. USA, 1994). Edited the following books: *Women's discourse in literary process in Russian in the end of XX* (Moscow, 2002), *A. Marinina's creative work as a reflection of the contemporary Russian mentality*, collection of articles (Moscow, 2002), Gender issue of the "Philologicheskie nauki" (2000).

Author's address: yeltrof@yandex.ru

Литература

- Барт Р. *Мифологии*, <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=78186> (15.04.2019).
- Бек Т. 2004, *Жизнь.Дос* // Независимая газета Ex Libris чт. 15 янв. 2004. С. 6.
- Василенко С. 2000, *Дурочка*, Вагриус, Москва.
- Забалуев В. и Зензинов А. 2004, *Вступительная статья* // Исаева Е., *Абрикосовый рай*. Пьесы, Новое дело, Москва. С. 7-22.
- Исаева Е. 2004 *Абрикосовый рай. Пьесы*, Новое дело, Москва.
- Кассирер Э. 2001, *Мифология мышления* // Философия символических форм. В 3 тт., Университетская книга, Москва, СПб. Т. 2.
- Кирилина А.В. 2002, *Проблемы гендерного подхода в изучении межкультурной коммуникации* // Гендер как интрига познания (альманах), Рудомино, М Москва, 2002. С. 20–27.
- Кравченко А.И. 2000, *Культурология*, Академический проект, Москва.
- Малиновский Б. 1998, *Роль мифа в жизни* // Магия, наука и религия, Академический проект, Москва. С. 94-97.
- Малиновский Б. 1999, *Функциональный анализ культуры* // Научная теория культуры, ОГ-И, Москва. С. 69-76.
- Малиновский Б. 1999, *Культура как предмет научного исследования* // Научная теория культуры, ОГ-И, Москва. С. 15-18.
- Набатникова Т. 2001, *Шофёр Астан* // День рождения кошки, Вагриус, Москва.
- Пушкин А.С. 1977-1979, *Джон Теннер* // Полн. собр. соч. в 10 тт., Наука, Ленинград. Т. 7.
- Солженицын А.И. *Письмо Л. Копелеву от 30.01.1964* // Огрызко В. 2018, *Вокруг «Первого круга»* // Лит. Газета № 50.
- Ставинский Е. 1964, *В погоне за Адамом* // Современная польская повесть, Молодая гвардия, Москва.
- Улицкая Л. 1994, *Бедные родственники: повести*, Слово, Москва.
- Улицкая Л. 2004, *Казус Кукоцкого*, ЭКСМО, Москва.
- Улицкая Л. 2002, *Медея и её дети* // Цю-юрихь, ЭКСМО, Москва.
- Улицкая Л. 2002, *Пиковая Дама* // Цю-юрихь, ЭКСМО, Москва.
- Goscilo H. 1996, *Women's Space and Women's Place in Contemporary Russian Fiction*, in Marsh R. (ed.), *Gender and Russian Culture*, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 329-330.
- Vico G. 1744, *Principj di scienza nuova d'intorno alla comune natura delle nazioni*, Stamperia Muziana, Napoli, пер. Губера А.А. 1940, *Основания новой науки об общей природе наций*, Гослитиздат, Ленинград.